
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Часть II

С.А. Баров

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальной проблеме трансформации внешнеполитической стратегии Китая в Восточной Азии в последние годы. Главной особенностью политики Китая в регионе на современном этапе является превалирование экономических подходов и практическое воплощение концепции «мягкой силы». Китай стремится перенести рассмотрение ряда проблемных вопросов с многостороннего уровня на уровень двусторонний, а также активно противодействует политике США и Японии, стремящихся создать в АТР «антикитайскую коалицию» с перспективой ее институционального оформления в рамках военно-политической организации по типу НАТО.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, военно-политическая расстановка сил, экономическая политика, Китай, КНДР, Южная Корея, страны АСЕАН, Монголия.

Особое значение для внешней политики Китая в Восточной Азии имеет то, как развивается ситуация в Корее, особенно в северной ее части.

Всегда нужно помнить, что Корея наряду с Вьетнамом и Монголией в историко-цивилизационном плане является ближайшей для Китая страной. Развитие китайско-корейских отношений на современном этапе характеризуется множеством факторов, которые условно можно разделить на две главные темы: это военно-политическое урегулирование на корейском полуострове и экономический диалог между Китаем, Южной Кореей и Японией по вопросам создания региональной зоны свободной торговли и общей экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Будучи фактически единственной страной, гарантирующей северокорейскому режиму международную поддержку, Китай обладает дополнительными рычагами воздействия на руководителей КНДР по проблеме северокорейской ядерной программы и может настоять здесь на более конструктивной позиции официального Пхеньяна, но как Соединенным Штатам в тайваньском вопросе, так и Китаю в корейском невыгодно объединение Северной и Южной Кореи в единое государство, поскольку это приведет к переходу всего корейского полуострова под контроль США, имеющих с южнокорейской администрацией отношения тесного стратегического партнерства, в том числе и по линии военного сотрудничества.

Впрочем, не менее выгодно разделение Кореи и Соединенным Штатам. Напряженность на полуострове, по мнению российского эксперта, сотрудника ИДВ РАН А. Жебина, позволяет США «оправдывать сохранение на протяжении более полувека своих сил передового базирования у границ России и КНР на Дальнем

Востоке, а также разворачивать в регионе ПРО ТВД под предлогом остающейся весьма проблематичной „северокорейской ракетной угрозы“» [5. С. 15].

Россия, потерявшая большую часть своего влияния на полуострове после развала СССР, готова с некоторыми оговорками принять любое мирное объединение двух корейских государств. Китайское же правительство, для которого КНДР является стратегическим союзником, не может допустить, чтобы в результате подобного объединения США установили свой военно-политический контроль над территорией сателлита Китая. Известный российский востоковед, декан факультета политологии МГИМО А. Воскресенский в этой связи отмечает: «в условиях регионального соперничества между США и КНР — двух самых сильных внешних факторов, влияющих на межкорейский диалог, — увеличивается цена компромисса по поводу ориентации будущей единой Кореи» [2. С. 169].

В краткосрочной и среднесрочной перспективе не приходится говорить о каких-либо возможностях примирения севера и юга, ведь даже если сравнивать корейский вопрос с немецким, то следует сказать, что объединению Германии способствовала либеральная политика «перестройки», проводимая в конце 80-х гг. Советским Союзом, а также процессы развала восточноевропейского соцлагеря, в конце концов, относительная мягкость правящего коммунистического режима ГДР и мирный настрой высшего руководства СЕПГ, ситуация в Китае, в Восточной Азии в целом, и особенно в КНДР на современном этапе мало напоминает ту, что была в Восточной Европе 20 лет назад.

Однако все-таки рано или поздно компромисс будет найден, и объединение Кореи состоится, но, по мнению замдиректора Исследовательского центра мировой стратегии и развития, профессора института общественного управления университета Цинхуа (Китай) Чху Шулуна и профессора Пекинского университета языков Цзинь Вэя, это вряд ли прибавит региону внутривосточной стабильности: «если после объединения корейский полуостров по-прежнему останется под контролем Америки, то это вызовет резкое противодействие Китая и России, ситуация вокруг безопасности на полуострове станет хуже, чем до объединения; если же, напротив, Корея развернется в сторону КНР или России, то это вызовет опасения у США и Японии по поводу нарушения стратегического баланса сил в регионе, тогда взаимного противостояния и стремлений с двух сторон изолировать друг друга будет не избежать, поэтому объединенный полуостров, скорее всего, будет проводить политику нейтралитета» [10. Р. 175]. Вероятным решением проблемы станет вывод американских военных баз с территории объединенной Кореи и ее внеблоковый статус. При этом позиция единого корейского государства на международной арене станет более независимой, возможно, будет пересмотрена его военная доктрина и постепенно начнет увеличиваться военный потенциал его вооруженных сил.

Усилия китайского руководства, направленные на улучшение политических отношений с Южной Кореей, для чего Китай оказывает определенное давление на северокорейский режим с целью сделать политику Пхеньяна более предсказуемой, вкупе с укреплением общерегионального экономического сотрудничества,

в том числе и по линии создания зоны свободной торговли, отражают стратегическую заинтересованность Китая в предотвращении роста напряженности в отношениях двух Корей. Логичным продолжением данных усилий, по мысли китайских стратегов, станет стремление южнокорейского руководства к построению более благожелательных отношений с Пекином и уменьшению роли США при определении южнокорейской внешней политики.

Серьезным просчетом Соединенных Штатов во времена «холодной войны» было то, что за годы противостояния с коммунистическими режимами Америка так и не сумела создать в Восточной Азии организацию, аналогичную НАТО (см.: [б. С. 329]).

Если бы существовала подобная структура, развал СССР позволил бы американцам резко укрепить свои позиции в регионе, возможно, ситуация начала бы развиваться по восточно-европейскому сценарию.

В сложившихся обстоятельствах у Вашингтона в региональном военном сотрудничестве не остается иной альтернативы, кроме как по-прежнему отдавать приоритет развитию двусторонних военно-политических отношений с каждой страной в отдельности. Координировать военную политику разных союзных Америке государств региона и создавать региональную систему коллективной безопасности под эгидой США американцам было бы намного легче в рамках многосторонней структуры, пока же приходится считаться с теми противоречиями, которые имеют место быть между большинством таких стран применительно к корейскому полуострову, соответственно, между Японией и Южной Кореей.

Исторически в Корее сложилось крайне отрицательное отношение к Японии, периодически подпитываемое массовыми выступлениями против политики японского руководства в вопросе о суверенитете над островами Лианкур (кор. Токто, япон. Такэсима), а также обвинениями Японии в реанимации «захватнической» и «милитаристской» внешней политики. Однако пока остается неясной перспектива объединения двух корейских государств, для Южной Кореи невозможно в полном формате восстановить некогда очень тесные отношения с Китаем.

В то же время многие общественные деятели и политики Южной Кореи надеются, что Китаю удастся уговорить коммунистических лидеров КНДР провести реформирование своего общественного уклада по китайскому образцу и открыть страну для иностранных инвестиций. Все последние годы официальный Сеул находится перед мучительным выбором: с одной стороны, возможное сближение двух частей Кореи и диалог о воссоединении в значительной мере зависят от позиции Пекина, с другой, активизация застарелых конфликтов в южно-китайском и восточно-китайском морях, а также попытка со стороны США сформировать общерегиональную «дугу сдерживания» Китая в составе внушительной коалиции стран требует от властей Южной Кореи обозначения активной поддержки американско-японской военной политики в регионе.

Спор вокруг Парасельских островов (кит. Сиша) и архипелага Спратли (кит. Наньша) является ключевым вопросом в отношениях Китая с государствами Юго-Восточной Азии, прежде всего Вьетнамом. Спор этот имеет многодесятилетнюю

историю и является наиболее крупным территориальным спором в Юго-Восточной Азии. Помимо Китая и Вьетнама он касается также Филиппин, Малайзии и Брунея, солидарно выступающих против притязаний Поднебесной.

Для Китая обладание данными территориями является важной частью стратегии создания зоны морского контроля Китая в Восточной Азии, тем более что острова располагаются на стратегически важном для Китая транспортном пути с Ближнего Востока от Малаккского пролива в Восточно-Китайское море, к китайской промышленной зоне, растянувшейся вдоль восточно-тихоокеанского побережья страны. Контроль над островами даст Китаю неоспоримое военно-стратегическое преимущество во всей Восточной Азии.

В течение китайско-вьетнамской войны 1979—1989 гг. НОАК удалось захватить Парасельские острова и установить таким образом полный контроль Китая над северной частью Южно-Китайского моря, однако архипелаг Спратли по большей части все еще находится вне сферы влияния КНР. Особой остроты конфликту добавляет тот факт, что спорные участки морского дна в районе островов богаты запасами углеводородов. Стремление вьетнамского руководства развивать там энергетическое сотрудничество без участия Китая (а в 2007 г. Vietnam Oil и Gas Corporation вместе с British Petroleum заявили о намерении построить соответствующий газопровод по дну Южно-Китайского моря, позже вьетнамское правительство также представило планы вести добычу нефти в спорных районах с американской Exxon Mobil) приводило к резкому обострению отношений двух стран в последнее время (см.: [4]). В 2011 г. стороны, как никогда ранее, близко подошли к черте военного противостояния. Масштабные военно-морские учения, в том числе и с участием нескольких стран, призваны были продемонстрировать самый решительный настрой конфликтующих сторон. Во Вьетнаме впервые за 30 лет была объявлена всеобщая мобилизация армии.

Активное участие в разгорающемся противостоянии приняли Соединенные Штаты, официально поддержавшие условную «антикитайскую» коалицию и официально заявившие о готовности поставить правительству Филиппин необходимое вооружение, а также организовавшие совместные военные учения с Вьетнамом, Таиландом, Индонезией, Малайзией и Брунеем.

Подобная активность Вашингтона возмутила Пекин, обвинивший американскую сторону в подстрекательстве и намерении использовать в собственных целях эскалацию конфликта. МИД КНР даже сделал специальное заявление о неприемлемости со стороны США проведения против Китая политики «устрашения», специально отмечалось, что незадолго до учений в Южно-Китайском море Соединенные Штаты провели совместные военно-морские учения с Южной Кореей.

В Китае с большим недовольством воспринимают тот факт, что США всячески стремятся использовать страны АСЕАН для сдерживания КНР, в том числе поставляя им оружие и по дипломатическим каналам открыто заявляя о готовности выступить на их стороне в случае вооруженного конфликта.

По мнению китайских исследователей Ян Гуахая и Цзао Вуюня, вмешательство Америки, Японии и ряда других стран в дела региона только усугубляет про-

блему, не позволяя Китаю в более конструктивном режиме отстаивать свою территориальную целостность и суверенные права над островами (см.: [13. Р. 257]).

Несмотря на резкий рост напряженности, именно в 2011 г. Китаю и Вьетнаму удалось достичь весьма серьезных подвижек на пути окончательного урегулирования спора. В ходе визита в Китай генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга было подписано 6 двусторонних соглашений. В совместном заявлении по итогам встречи указывалось, что вооруженные силы двух стран развернут в опытном режиме совместное патрулирование на сухопутной границе и продолжают его в Тонкском заливе (кит. Бэйбу, вьет. Бакбо), где долгое время также велись ожесточенные споры по разграничению континентального шельфа, но в итоге был найден компромисс и стороны пришли к взаимовыгодному решению.

В самом важном среди всех подписанных документов, «Соглашении о руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ» (на базе соглашения 1993 г.), выразилось стремление правительств Вьетнама и Китая выработать план совместных шагов, направленных на полное разрешение противоречий путем проведения совместных консультаций и переговоров, особо подчеркивалось, что поскольку конфликт касается и других стран Восточной Азии, стороны берут на себя обязательства провести с ними аналогичные консультации и сообща создать «дорожную карту» решения проблемы (см.: [12]). Впрочем, практически сразу после встречи лидеров Вьетнама и Китая правительство Филиппин выступило с категорическим протестом и осуждением данных двусторонних соглашений.

Не имея возможности успешно противостоять столь обширной коалиции под предводительством США, Китай стремится решить проблему с каждой страной в отдельности, поэтому китайские власти блокирует любые попытки обсуждения данной темы в рамках саммитов АСЕАН и ВАС.

Такой подход, подкрепляемый растущим экономически влиянием Китая как в региональном, так и в глобальном масштабе, по мнению китайского руководства, единственный способен обеспечить КНР максимально возможную реализацию своих стратегических интересов в Восточной Азии.

С другой стороны, без союзника в этой борьбе Китаю не обойтись. Вьетнамский исследователь Чан Чьунг Тхюн отмечает: «страны АСЕАН приложили все усилия, чтобы добиться интернационализации обсуждения данной проблемы и вовлечь в диалог как можно больше участников, включая великие державы» [9].

И это им в значительной мере удалось, поэтому для предотвращения окончательного оформления антикитайской коалиции в регионе логичным решением выглядит попытка ее расшатать или расколоть, выбор для этих целей наиболее близкого с идейно-политической точки зрения Китаю Вьетнама представляется наиболее очевидным.

Несмотря на достигнутые между Китаем и Вьетнамом договоренности, тема определения суверенных прав над островами Спратли еще далеко не закрыта. Декларация «О поведении в восточно-китайском море» от 2002 г., призванная регулировать отношения сторон по данной проблеме и базирующаяся на конвенции ООН «О морском праве», содержит лишь общие намерения мирным путем разрешить имеющиеся противоречия, а логика и формула решения проблемы в документе не прописаны.

Вряд ли можно ожидать, что в ближайшие годы по этому вопросу будет достигнут существенный прогресс, стремление к поиску компромисса пока уступает тактике силового давления, используемой разными участниками конфликта. Очевидно, что переговоры рано или поздно придется начинать, а пока до этого еще остается некоторое время, стороны прилагают максимум усилий, чтобы подойти к ним в наиболее выигрышном положении, постоянно предпринимая какие-либо резкие и демонстративные шаги, что приводит только к усилению противостояния.

Стратегия сторон проста: Китай опирается на собственную мощь и влияние в регионе, Вьетнам и другие страны ищут поддержки США и стремятся выработать коллективную позицию (см.: [8]). С учетом того, что ни одной из сторон невыгодно, чтобы конфликт перерос в открытое военное противостояние, а достаточных оснований для его мирного разрешения на современном этапе нет, выходом из ситуации представляется нахождение компромисса по тем вопросам, по которым это можно сделать, в частности, напряженность значительной мерой спала бы, если бы стороны выдвинули предложение о совместном освоении нефтяных месторождений на спорных территориях (см.: [9]).

Инициатива в этом вопросе, безусловно, должна исходить от китайских руководителей, если уж Китай действительно намеривается стать региональным лидером.

Как отмечает сотрудник азиатско-тихоокеанского подразделения Исследовательского центра международных проблем в Шанхае Лиу Амин, важнейшей составной частью стратегии Китая в регионе после азиатского экономического кризиса является проведение политики экономической помощи и твердая позиция невмешательства во внутренние дела стран региона, призванная добавить политических очков Китаю в тех из них, а таких стран в Восточной Азии большинство, где у власти находятся авторитарные режимы (см.: [11. Р. 40—41]). Однако простое наследие конфликтов и даже войн, оставленное эпохой Мао Цзэдуна, сильно отягощает внешнюю политику Китая. По большому счету, вопросы границы у КНР полностью урегулированы только с Россией и государствами Центральной Азии, с остальными странами это до сих пор не сделано.

Сближение Вьетнама, Лаоса, КНДР, Непала и КНР обусловлено родственностью политических режимов, существующих в этих странах. Ответом на него может стать укрепление военного сотрудничества США и Японии с Филиппинами, Малайзией и Индонезией, а после визита в начале декабря 2011 г. экс-госсекретаря США Х. Клинтон в Мьянму, возможно, улучшатся отношения США с режимом военной хунты этой страны, где влияние Китая последние 10 лет было особенно велико.

Для Китая Мьянма представляет интерес в контексте энергетического сотрудничества по проекту нефте- и газопровода от Цзяоляо, находящегося на побережье Бенгальского залива, до китайского Куньмина, поэтому можно предположить, что Пекин приложит максимум усилий, чтобы не допустить переход бывшей Бирмы в сферу влияния Соединенных Штатов.

Представляется важным определить место Монголии в складывающейся региональной геополитической расстановке сил.

Монголия, географически находясь на периферии среднеазиатского и восточно-азиатского регионов и будучи зажата с севера и юга Россией и Китаем, в годы «холодной войны» играла важную роль буферной зоны между СССР и КНР. С развалом Советского Союза ее геополитическое значение резко снизилось, но Монголия от этого нисколько не проиграла, напротив, это открыло для республики дополнительные возможности развивать экономическое сотрудничество и с Китаем, и с капиталистическими странами.

В то же время Монголия продолжает быть объектом пристального внимания со стороны России и Китая в связи с ее геополитическим выбором, имеющим весьма непростую историю. Как отмечает замдиректора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН С. Лузянин, «при оценках (трехстороннего) формата (Россия—Монголия—Китай — *прим. авт.*) отношений сохраняется методологический принцип — соперничество России и Китая в Монголии», — при этом «при сравнении эффективности развития российско-монгольского и монгольско-китайского сотрудничества ключевым параметром для России остается вопрос: насколько больше Китай торгует, инвестирует, строит?» [7. С. 258].

Китай сегодня является самым крупным иностранным инвестором в Монголии, на его долю приходится 90% всех инвестиций. Сотрудничество в сфере транспортного сообщения и в создании совместных предприятий по добыче полезных ископаемых и нефти делают Китай главным торгово-экономическим партнером Монголии (46% внешней торговли, хотя в конце 80-х гг. 97% торговли МНР приходилось на СССР), что для монгольского руководства является синонимом партнерства политического (см.: [3. С. 138—139]).

Монголия пока не является членом ни одного из региональных объединений, совсем недавно правительством страны был взят курс на подключение к механизмам АТЭС и АСЕАН.

Долгое время вероятным было вступление Монголии в ШОС, но после появления тенденций институционального соперничества в Центральной Азии между ЕврАзЭС и ШОС, соперничества двух главных векторов региональной интеграции, российского и китайского, и активизации российско-монгольского сотрудничества в сфере добычи урана руководители Монголии решили повременить с обозначением своих внешнеполитических приоритетов.

Несмотря на резкое улучшение китайско-монгольских отношений в последние годы, в монгольском обществе сохраняется общее негативное видение политики Китая в регионе, до сих пор воспринимаемой многими монгольскими политиками и экспертами в русле великодержавных устремлений Китая последних 100 лет (с момента оккупации территории страны революционными войсками Китайской Республики).

Двойное отношение со стороны китайской общественности к вопросу об историческом суверенитете Монголии и правительственная политика «окитаевания» Внутренней Монголии (в составе КНР), в результате которой местное монгольское население было полностью ассимилировано ханьцами, создают крайне негативный общий фон монголо-китайских отношений.

С другой стороны, в контексте перспектив создания Евразийского Союза Монголия в глазах китайских руководителей может приобрести значение буферной зоны между «воссоздаваемым Советским Союзом». А именно так трактуются планы реализации Единого экономического пространства ЕврАзЭС в большинстве неофициальных китайских СМИ. Все большие опасения у китайского правительства вызывают сообщения о желании Монголии развивать партнерские отношения с Таможенным Союзом и, возможно, даже вступить в него, о чем в 2011 г. на Байкальском экономическом форуме заявил премьер-министр Монголии Сухзбатар Батболдом.

В завершение темы следует сказать, что Китай в целом успешно продвигает свою политическую стратегию в Восточной Азии, ядро которой составляет экономическая политика.

Отсутствие на протяжении десятилетий правления Мао Цзэдуна продуманного и сбалансированного внешнеполитического курса, который бы учитывал глобальное доминирование США и СССР, вкуче с несдержанностью в отношениях с соседними странами создали неблагонадежный образ Китая в представлении большинства государств региона. На преодоление оставленных той эпохой конфликтов и противоречий еще потребуется немало времени. Безусловно, если бы официальный Пекин был больше настроен на поиск компромисса, уступал в чем-то, прогресс был бы большим, но очарование собственными достижениями не так легко преодолеть.

Китай привык во всех вопросах внутреннего развития проявлять напористость и добиваться успеха, но на международной арене порой действовать нужно с меньшим запалом.

Впрочем, никакого «головокружения» от успехов Китай не испытывает, проводя очень прагматичную и расчетливую внешнюю политику при общем, но вполне реальном устремлении к построению в АТР «гармоничного мира».

В борьбе за отстаивание своих национальных интересов по территориальным спорам и в иных вопросах китайскому руководству не стоит забывать, что главной целью политики КНР в Восточной Азии является вытеснение из региона США и ослабление американо-японского альянса. Обозначая общую перспективу развития системы международных отношений в регионе, ведущий российский специалист по восточноазиатским проблемам Л. Арешидзе пишет: «В начале 21 века стратегический баланс сил в Восточной Азии складывается в пользу США, которые имеют стратегическое превосходство над Китаем в воздухе и на море и прилагают большие усилия к тому, чтобы это превосходство закрепить. Отсутствие стратегического равновесия между двумя полюсами силы является решающим фактором сохранения напряженности в Восточной Азии. И Вашингтон, и Пекин наращивают силовые потенциалы, не исключая возникновения конфликта и последовательно готовясь к нему» [1. С. 78].

Пока Америка сохраняет свои военные базы в большинстве стран АТР (в Японии, Южной Корее, Таиланде, Филиппинах, Австралии, Гуаме и Сингапуре), военно-политическое преимущество будет на ее стороне, поэтому задачей первоочередной важности для Китая является заставить США их вывести.

В последнее время региональная политика Китая становится все более комплексной и разнонаправленной, впрочем, полностью в рамках абсолютного приоритета «национальных интересов» (см.: [10. Р. 255]).

На наш взгляд, действовать таким образом, направляя и двустороннее, и многостороннее сотрудничество в угоду исключительно собственным национальным интересам, используя свое превосходство над менее сильными странами, неправильно. Так делают США, от чего только теряют. Есть и другой пример, пример Европейского Союза, притягательная сила которого, несмотря на массу проблем и ошибок, не уменьшается. За счет чего это происходит? Решения принимаются коллективно, на принципах солидарности. Очевидно, что Китаю для успешной интеграции региона под своим началом необходим поиск новых, более совершенных и более демократичных подходов и методов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арешидзе Л.Г.* Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. — М.: Междунар. отношения, 2007.
- [2] *Базаров В.Б.* Монгольско-китайские отношения: усиление экономического взаимодействия // *Власть*. — 07.2010.
- [3] *Воскресенский А.Д.* Региональные геополитические риски и основной проблемно-конфликтный потенциал «Большой Азии» // «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / Под общ. ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МГИМО-Университет, 2010.
- [4] Вьетнамо-китайские отношения и спорные территории. URL: <http://www.vietnamnews.ru/vietcin.html>.
- [5] *Жебин А.З.* Геополитические интересы США в СВА и некоторые аспекты корейского урегулирования // *Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 24—25 апреля 2011 г.* — М.: ИДВ РАН, 2011.
- [6] *Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». — М.: Междунар. отношения, 2010.
- [7] *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства / Отв. ред. академик РАН М.Л. Титаренко. — М.: ИД «Форум», 2009.
- [8] *Скосырев В.* Соседи КНР хотят укрыться под американским зонтом. URL: http://www.ng.ru/world/2011-11-21/2_singapur.html.
- [9] *Чан Чьюнг Тхюн.* Территориальные конфликты в Южно-китайском море. URL: <http://southeastasiansea.net/tabid/149/ArticleID/548/language/en-US/Default.aspx>
- [10] *Jin Wei, Chu Shulong.* Zhongguo waijiao zhanlue he zhengce // Beijing: shishi chubanshe. — 2008.4.
- [11] Liu Aming ZhongMei DongYa diqu zhanlue yu DongNanYa guojia de fanying // Hou weiji shidai de shiye zhixu zhonggou / Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan, Beijing: shishi chubanshe. — 2011.8.
- [12] Jin zhuan guojia lingdaoren di san ci huiwu «Sanya xuanyan» (quanwen). URL: <http://news.sina.com.cn/c/2011-04-14/134122292473.shtml>.
- [13] Yang Guangai, Zao Wuyun Dongnan Ya anquan xingshi // 2009 Guoji anquan / Jiefangjun guoji guanxi xueyuan guoji guanx yanjiusuo. — Beijing: shhishi chubanshe, 2010.

REFERENCES

- [1] Areshidze, L.G., *Mezhdunarodnye otnoshenija v Vostochnoj Azii. Ugrozy i nadezhdy*. Moscow, Mezhdunarodnye Otnoshenija, 2007.
- [2] Bazarov, V.B., *Mongol'sko-kitajskie otnoshenija: usilenie jekonomicheskogo vzaimodejstviya. Vlast'*, 07.2010.
- [3] Voskresenskij, A.D., *Regional'nye geopoliticheskie riski i osnovnoj problemno-konfliktnyj potencial "Bol'shoj Azii" // "Bol'shaja Vostochnaja Azija": Mirovaja politika i regional'nye transformacii: nauchno-obrazovatel'nyj kompleks*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010.
- [4] *V'etnamo-kitajskie otnoshenija i spornye territorii*. Available at: <http://www.vietnamnews.ru/vietcin.html>.
- [5] Zhebin, A.Z., *Geopoliticheskie interesy SShA v SVA i nekotorye aspekty korejskogo uregulirovanii. Koreja: desjatiletie novyh vozmozhnostej. Doklady, predstavlennye na XV nauchnoj konferencii koreevedov Rossii i stran SNG, Moskva, 24—25 aprelja 2011*. Moscow, IDV RAN, 2011.
- [6] Krupjanko, M.I., Areshidze, L.G., *SShA i Vostochnaja Azija. Bor'ba za «novyj porjadok»*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 2010.
- [7] Luzjanin, S.G., *Rossija i Kitaj v Evrazii. Mezhdunarodno-regional'nye izmerenija rossijsko-kitajskogo partnerstva / Otv. red. akademik RAN M.L. Titarenko*. Moscow, ID "Forum", 2009.
- [8] Skosyrev, V., *Cosedi KNR hotjat ukryt'sja pod amerikanskim zantom*. Available at: http://www.ng.ru/world/2011-11-21/2_singapur.html
- [9] Chan Ch'jung Thjun. *Territorial'nye konflikty v Juzhno-kitajskom more // URL: http://southeastasiansea.net/tabid/149/ArticleID/548/language/en-US/Default.aspx*
- [10] Jin Wei, Chu Shulong, *Zhongguo waijiao zhanlue he zhengce. Beijing: shishi chubanshe*, 2008, no. 4.
- [11] Liu Aming ZhongMei DongYa diqu zhanlue yu DongNanYa guojia de fanying. Hou weiji shidai de shiie zhixu zhonggou / Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan. *Beijing: shishi chubanshe*, 2011, no. 8.
- [12] Jin zhuan guojia lingdaoren di san ci huiwu «Sanya xuanyan» (quanwen). Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2011-04-14/134122292473.shtml>
- [13] Yang Guangai, Zao Wuyun Dongnan Ya anquan xingshi. 2009 Guoji anquan/ Jiefangjun guoji guanxi xueyuan guoji guanx yanjiusuo. *Beijing: shhishi chubanshe*, 2010.

CHINESE POLITICAL STRATEGY IN EASTERN ASIA

Part II

S.A. Barov

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the actual problem of transformation of foreign policy strategy of China in Eastern Asia during the last years. The main aspects of Chinese policy in the region are domination of economic approaches and practical embodiment of "soft power" concept. China seeks to transfer reviews about problematic points in economical interaction with the region's countries and decisions about territorial disputes from the multilateral level to bilateral level, furthermore actively counteract to the policy of the USA and Japan, trying to make an "anti-sin coalition" from the perspective of institutional design within the political-military organization by the type of NATO.

Key words: foreign policy strategy, political-military alignment of forces, economical policy, China, North Korea, South Korea, ASEAN countries, Mongolia.